

Мир умирал. Деревья зеленились вокруг, огромные поля цветов и травы покрывали землю. Воздух был чист и свеж, дул приятный ветерок, трепавший колосья.

Благородные олени чинно шествовали на водопой, над их головами летали птицы. Сытые волки лениво глядели вслед пробежавшим мимо них косулям. Зайцы отчаянно прятались в траве, не подозревая, что им ничего не угрожает.

Блестели реки и моря, переливаясь, играя всеми гранями солнечного света. Неспособные видеть такую красоту рыбки плавали в воде, встревоженные проплывшим мимо дельфином. Огромный кит лениво махнул хвостом и пустил тугой фонтан воды.

Похоже, природа просто не подозревала, что мир умирал.

Но люди знали. Их огромные небоскребы начали трескаться, грозя вот-вот упасть. Плотины выходили из строя, топя города, взрывались

электростанции, ржавела техника. Летающие машины переставали запускаться, прогнившие, насквозь прожженные бензином. Разбитые терминалы стояли в тесных переулках трущоб, но их голограммы были трудно различимы. Почти половину из них скрывал за собой белый шум.

Бесконечные дожди, придававшие городу мрачный, но живой вид, закончились. Стеклянные дома оказались прямо под палящим Солнцем, и можно было увидеть, что они вовсе не красивы. Глупые стеклянные коробки посреди ровных бетонных площадок. Мегакомплексы – еще более несуразные комоды из стали и стекла, наполовину обвалившиеся и облупившиеся. Кучи мусора на улицах, больше не укрытых пасмурной погодой. Все на виду, все блеклое и пустое.

Потому что мир умирал. Целый мир умирал в лице одного человека.

— Доброе утро, мисс Сноу, — механический голос Валентайна чудесным образом ухитрился поднимать настроение. — Ваш завтрак и утренние упражнения ждут вас!

«Процедуры. Это уже давно не упражнения, а процедуры», — подумала Сноу. Не раскрывая глаза, она сказала:

— Иди, разбуди Сэма, и попроси Вика, наконец, заменить его генератор. А я пока еще полежу.

— Будет сделано, мисс Сноу, — она была уверена, что Валентайн подмигнул ей. Она слишком хорошо его знала.

Сноу на дух не переносила процедуры. Массаж ей, конечно, нравился, но вот все остальное. Бесконечные витаминные уколы, промывания, осмотры... Раз за разом, и для чего? Для кого?

Для последнего человека на Земле?

Сегодня Сноу встала сама, не дождавшись Сэма. Между суставами словно скрипел песок, тяжесть головы тянула вниз, но она встала. Пошатываясь, накинула халат и прошаркала к окну. Балкон, к счастью, был открыт. Она не помнила, когда последний раз была в состоянии открыть его сама. Сноу вышла наружу и глубоко вдохнула свежий воздух. На перила опустилась маленькая синичка. Еще 96 лет назад о таком можно было только мечтать. 96... Она помнила это число. 96 лет назад люди легализовали «Очищение». И 96 лет назад она приняла решение никогда им не пользоваться.

И вот теперь, едва стоя на балконе и по чем свет стоит проклиная Конституцию и все свои гражданские права, Сноу протянула руку и, несмотря на боль в пальцах, погладила синичку. Птица не улетела, совсем не испугалась. Словно впервые видела человека во плоти.

В комнату ворвался Сэм.

— Мисс Сноу, вы с ума сошли! Вы же знаете, что вам нельзя ходить до массажа!

Он пробежал через комнату и протянул к ней свои полимерные руки, но она вдруг покраснела. Сэм как-никак был мужчиной. Когда-то. А у нее осталась капелька гордости и женственности. Даже в 145 лет.

— Разве ты не видишь, что я не одета?

Сэм усмехнулся, но отвернулся. Точнее, его голова крутанулась на 180 градусов. Да уж, это выбивало из колеи еще больше. Сноу все же приняла его руку, и он подхватил ее. Что за блаженство, позволить позво-ночнику расслабиться.

Сэм отвел ее в массажную, где уже стоял Вик. Как и следовало ожидать, он ворчал.

— Сколько уже можно, снова вскочила со своей кровати! Я тут впихиваю в поте лица, а она хочет все мои труды насмарку пустить! Ну уж дудки.

В поте лица. Разве могут пластик или железо потеть? Сэм был похож на человека, у него было человеческое лицо и обтянутые полимерной кожей руки. Корпус Вика был старой модели. Квадратный ящик с оголенными суставами рук и ног. Что-то в его личности мешало приспособиться к новой модели. Сноу и остальные подозревали вредность.

Следующий час был настоящим блаженством. Старый корпус был более практичен, кисти можно было сменить на абсолютно любую насадку, что очень помогало старым мышцам и костям. Каждый хруст позвонков был настоящим откровением, каждое движение – чистым наслаждением и восторгом. Сноу, свежая и полная сил, села на кровати. Пришел Улисс. Сегодня они ограничились тройной дозой стимуляторов, после которых боль из мышц окончательно ушла.

Несомненно, стимуляторы каждый день вредили организму. Само собой, медленно сжигали изнутри. Но Конституция говорила, что люди имеют право на жизнь. И «очищенные» члены семьи должны были заботиться об оставшихся родственниках до конца их жизни.

Все очищенные, кроме семи, уже ни о ком не заботились. Они давно отправились на Марс и основали там колонию. Улисс часто давал посмотреть Сноу в телескоп на их города. Они были очаровательны.

Но холодны.

Мимо процедурной прошел Честер. Он попытался поприветствовать Сноу, но его голосовой модуль мог воспроизводить только чихание. Досадная ошибка конструкторов. С другими шестью Честер общался нормально, поэтому каждый раз забывал, что синтезатор речи не работает, снова и снова чихая на Сноу. Отсалютовав, он отправился на кухню

готовить ей завтрак.

Сноу выглянула в окно. Седрик и Питер готовили ракету к запуску на Марс. Это напомнило ей, что мир умирал. Она с грустью отвернулась.

— Я бы тоже хотела полететь на Марс. Увидеть хотя бы глазком.

Валентайн знал, что предлагать ей «Очищение» бессмысленно. Она ни за что не пойдет на это. Он не понимал этого, считал глупым, но выбор уважал. К сожалению, полет в скафандре тоже был невозможен. Тело Сноу было неспособно вынести такие перегрузки.

А до создания телепорта оставались годы.

Она завтракала в одиночестве. Последнее время ей не нравилась компания. Они не ели, могли только разговаривать (либо чихать) или молча смотреть на нее. Это угнетало. Ведь она любила семейные ужины именно за лязг ложек по дну, веселый гвалт детей и задумчивое чесание ложкой затылка ее отцом.

По телевизору крутили марсианские новости. Даже будучи облеченными в металл и полимеры, люди продолжали совершать преступления. Выступления религиозных фанатиков показались ей забавными. Они беспокоились о том, что человечество не может воспроизводить себя и выступали за развитие клон-лабораторий. Искусственное выведение живых людей, а затем «Очищение». Просто смешно, в какие рамки они себя загнали и до каких безумств дошли.

А кто-то сходил с ума и считал себя роботом без души. Психиатры для цифровых личностей, как вам такое?

Она переключила на канал старой эпохи. Крутили фильм «Я, робот». Наивно. Просто наивно. Зачем производить роботов, если можно отключить свое сознание или заняться изучением чего угодно, пока твое механическое тело по программе выполняет монотонный труд. Строительство, сортировка, готовка. Кстати, Честер опять пересолил. Вот вам один из минусов потери органов чувств. Сколько бы он не отмерял и не вычислял соотношение соли к яичнице, ничего путного не получалось.

Щелчок пульта, и она попала на свой канал. В любое время в любом месте каждый за-человек, как они себя называли, мог увидеть жизнь последнего живого человека на Земле. Она показала средний палец в ближайшую камеру и самодовольно ухмыльнулась. Да, она была старой. Да, ей хотелось плакать от отчаяния, миллиарды механических глаз давили на нее, заставляли чувствовать себя неуютно. Она не могла убежать от них, они преследовали ее даже в кошмарах. Она собралась и вышла из-за стола. Она не плакала, нет. И никогда не заплачет. У нее была гордость.

Она шла по коридорам жилого комплекса. Последнего, не сломленного природой. Седрик часто катал ее на самолете. Пирамиды начали

рассыпаться в пыль, величественные храмы в России заросли плющом, их купола провалились внутрь. Эйфелева башня пала, дамба Гувера стала дырой Гувера, а Колизей, ее любимое место, держался на честном слове и усилиях Вика, каждые два дня вылетавшего на реставрацию.

Сегодня Сноу хотела ехать. Мчаться без оглядки. Она пошла в гараж и проверила старенький багги. Седрик доставил ее и машину на место. Она попросила его остаться на месте, и он отключился. Она хотела побыть одна.

Озеленение планеты не везде сработало, как планировалось. Большая часть Америки превратилась в огромную пустыню. Она завела багги и рванула вперед.

В такие моменты она чувствовала свободу. Автопилот не давал ей дрейфовать или поворачивать на ручнике, строго говоря, она была свободна лишь в выборе скорости движения. Но когда ветер бил в лицо, а песок царапал кожу, это было не важно. И пусть Вик говорит что хочет, она может и будет гонять по безжизненной пустыне, сколько захочет.

Она ехала по полузасыпанному шоссе. Далеко справа виднелись стеклянные небоскребы, наполовину разрушенные, но не утратившие блеска даже после песчаных бурь. Эпоха электроники, нанотехнологий и жадных корпораций. Выиграла в итоге лишь одна – занимавшаяся «Очищением». Сноу не помнила ее имени. Она чуть не пропустила огромный кусок арматуры на дороге, но автопилот вовремя повернул. Рефлексы, реакция, сама жизнь покидала Сноу. Как долго она еще сможет осознавать себя? Как скоро она станет забывать очевидные вещи?

Все это было неважно, пока она гнала по шоссе. Кто-то говорил, что старость – это спокойная пора без права на приключения и риск, но Сноу не могла жить так. Она и так чувствовала себя домашним животным. Она была их человеком, как когда-то Рэкс был ее собакой. Она протестовала. Словно подросток, старуха ста сорока пяти лет протестовала против своей родни и дома.

Показались останки автозаправки. Сноу не смогла устоять и остановила машину, подняв столб песка. От здания остались лишь пара кирпичных стен, но они были настоящие. Кирпич, не стекло. Она дотронулась до него. Шершавый, красный. Он сопротивлялся ей, ее нажатию. Это было невероятное ощущение. Плотность, твердость. Может ли она почувствовать что-то подобное после «Очищения»? Может ли она вдохнуть горький и скрипучий, полный песка воздух в свои легкие и ощутить его в себе, как он заполняет легкие, как скребет по ним, заставляя содрогнуться от кашля? Может ли она почувствовать наслаждение, после того как ее позвоночник перестает болеть, когда она садится в машину? Может ли

она почувствовать все это после «Очищения»?

Она знала, что нет.

Она вернулась к Седрику. Через заправку, небоскребы, пустыню, через целую жизнь, от которой люди очистились. Которую смыли с себя, словно грязь, обузу.

Стимуляторы перестали действовать, накатила усталость, боль во всех мышцах, суставах и костях. Она устало облокотилась на подлокотник. Седрик выглядел взволнованным.

Дом. Еще массаж и теперь уже процедуры с полным осмотром каждой поры. Вик превзошел сам себя. Особенно досталось легким, их пришлось чистить.

Откашливаясь и отплевываясь от антисептика, Сноу устало зашаркала в библиотеку. Там в кресле сидел Улисс. Он любил читать бумажные книги, хотя мог за секунду обработать любой объем текста через интернет. Это еще полбеды. Улисс любил носить очки, которыми незамедлительно сверкнул на Сноу.

— Привет. Как путешествие?

— Как всегда, волшебно. — Сноу поразились, насколько скрипит ее голос. Стоит забыть о старости, как она напоминает о себе самым неприятным образом.

— Что хочешь почитать?

— Спасибо, сегодня просто посидеть бы тут.

Библиотека — единственное место, отделанное под старину. Деревянные панели, камин, десятки книжных полок. Совсем другое дело, не то, что хром и пластик. Разве что пыли нет. Честер очень старался. А Сноу почему-то скучала по ней.

— Перед «Очищением» мне было очень страшно, — неожиданно начал Улисс. — Полная оцифровка сознания, каждого закоулка моего разума. Словно фотография. Разве что невероятно дорогим сканером. И затем я оказываюсь в теле робота и смотрю, как мое прежнее, биологическое тело, договаривает последнюю фразу в один голос со мной, а затем его мозги сгорают. Я мертв и я жив — парадокс, верно? Но я не жалею. Говорят, в технологии нет души, но я никогда настолько не развивал свою душу. Теперь я знаю гораздо больше, помню гораздо больше, понимаю гораздо больше. Я теперь могу свободно оперировать идеями философов, апеллировать к классикам. Цитировать кино, на худой конец. Всестороннее развитие, систематизация, но я не утратил человечности. Я все еще чувствую, я сопереживаю людям, даже выдуманному герою, я все еще люблю свою дочь. И мне очень больно смотреть, как ты погибаешь.

— Я все равно не хочу, папа. Я не хочу.

— Почему?

— Потому что я эгоистична и хочу памятник как последнему человеку на Земле.

Улисс засмеялся.

— Ты все такая же бунтарка, как и в детстве.

— На самом деле, я не просто боюсь. Ничто и никогда не заменит мне ощущения быть человеком. Я не могу обменять никакое знание на это. Это иррационально, но я не хочу стать механизмом. Слишком многое уйдет из моей жизни, я слишком много потеряю. Даже если я не владею ничем, кроме себя.

— Ох, малышка. В мире, где «Очищение» победило человечество... Ты просто... Видимо, слишком несгибаема и горда для такого.

Он вздохнул и обнял ее, пожелал спокойной ночи, а затем отключился.

Она пошла в свою комнату. Последние капли стимулятора помогли ей умыться, почистить зубы и лечь в кровать. И тогда, не сдерживаясь, она застонала. Слезы были готовы потечь из ее глаз, как вдруг она заметила шевеление в углу. Это был Питер.

— Сын, что ты здесь делаешь?

Питер смутился и подошел к кровати.

— Я, я всего лишь хотел узнать...

Он замолчал.

— Говори, не стесняйся, — подтолкнула его Сноу.

— Какой... Какой воздух на вкус там, в Пустошах? Какой он?

Сноу улыбнулась.

— Он горький и скрипучий. И когда вдыхаешь, песок скребет о твои легкие. Он волшебный.

Питер мигнул сенсорами и ушел. Сноу закрыла глаза. Завтра все повторится. Она была готова не встретить новый день.